

Александр Федута

Общественное объединение «Социальные технологии»

ул. Белецкого, 40 – 119, 220117 Минск, Беларусь

Тел.: (375–29) 679 38 06

E-mail: feodor1964@yandex.ru

ТРИ «БУДРЫСА»: АВТОРСКИЙ ТЕКСТ – ПОДСТРОЧНИК – ПОЭТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД

В статье рассматривается контекст первого знакомства российского читателя с балладой Адама Мицкевича «Trzech Budrysów (Ballada litewska)». Впервые на русском языке ее подстрочный прозаический перевод опубликовал в 1829 году Фаддей Булгарин. В 1834 году был опубликован поэтический перевод Александра Пушкина. При этом перевод Булгарина мог явиться стимулом для появления пушкинского перевода, хотя очевидно, что Пушкин обращался и к оригинальному тексту баллады Мицкевича. В обоих переводах проявляются стилистические особенности, характерные для переводчиков.

Перевод баллады Мицкевича стал для Пушкина формой состязания с польским поэтом в мастерстве стихосложения. Вместе с тем, поскольку он был опубликован уже после идеологического противостояния обоих поэтов по поводу подавления польского восстания 1830–1831 годов (что было поддержано и воспето Пушкиным), публикация «Будрыса и его сыновей» стала одновременно попыткой русского поэта доказать, что идеологическое противостояние не обязательно влечет за собой противостояние личностное и поэтическое.

В приложении к статье публикуется подстрочный перевод баллады, выполненный Фаддеем Булгариным.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Мицкевич, Пушкин, Булгарин, баллада, перевод, подстрочник, Польша, Россия.

Баллада «Trzech Budrysów (Ballada litewska)» – бесспорный шедевр Адама Мицкевича – прочно вошла в сознание русскоязычного читателя во многом благодаря переводу «Будрыс и его сыновья», принадлежащему перу А. С. Пушкина. Канонизация этой блестящей поэтической интерпретации одновременно привела к тому, что соперничество с Пушкиным стало для русских поэтов невозможным. Вместе с тем первым переводчиком баллады Мицкевича на русский язык стал не Пушкин, а другой литератор – добрый знакомый Мицкевича, активный популяризатор его творчества Ф. В. Булгарин. Правда, Булгарин, некоторое время грешивший стихосложением, все же не отважился предложить

собственную поэтическую интерпретацию «Будрысов» и ограничился лишь прозаическим подстрочником, который, тем не менее, был опубликован буквально вслед за печатным появлением подлинника, то есть намного ранее пушкинского перевода.

Подстрочник Булгарина был опубликован в журнале «Сынъ Отечества и Северный Архивъ» (1829, т. V, с. 113–115). Подстрочник опубликован анонимно, однако, поскольку из двух соредкторов объединенного издания польским владел именно Булгарин, в его авторстве сомнений ни у кого не возникало. Весьма вероятно, что Пушкин, внимательно читавший издания Булгарина и Н. И. Греча¹, был знаком и с этим номером их журнала. В

¹ Об этом свидетельствует, в частности, описание номеров «Сына Отечества» и «Северного Архива» (до их объединения), сохранившихся в библиотеке Пушкина. См.: МОДЗАЛЕВСКИЙ, Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина (Библиографическое описание). Санкт-Петербург, 1910, с. 133–134.

этом случае его внимание наверняка обратило примечание переводчика:

Эту Балладу въ подлинникѣ должно почтять образцемъ простоты расказа и легкости. Форма стихосложенія совершенно новая. Въ первомъ и третьемъ стихахъ, окончательное слово на цезурѣ, составляя рифму съ последнимъ.» И далее: «Прелесть языка потеряна въ перевод, но читатели увидятъ, по крайней мѣрѣ, какъ Польскій Поэтъ уметь замысловато разсказывать вещи самыя обыкновенныя, и какъ то самое воображеніе, въ которомъ родились Валленродъ и Дзяды, представляетъ картины игривыя².

Нет сомнения в том, что подобная характеристика должна была осознаться как своеобразный вызов русским поэтам. Тем более – из уст Булгарина, чье этническое происхождение русские писатели помнили и поминали ему не раз (Булгарин, как и Мицкевич, был «литвином»), то есть славянином непольского происхождения из земель бывшего Великого Княжества Литовского; сейчас бы его назвали белорусом, но россияне первой трети XIX

века в такие нюансы не вникали и считали его поляком³). Кроме того, Мицкевич еще с лишком недавно побывал в Москве и Петербурге, и триумфальное впечатление от его поэтических импровизаций хорошо помнили ведущие российские поэты⁴. Вместе с тем, как справедливо отмечал Булгарин в первом своем отклике на вышедший сборник Мицкевича, «русские читатели знают сочинения Мицкевича по нѣкоторымъ отрывкамъ, переведеннымъ стихами, и по большей части прозою. Смѣло можемъ увѣрить, что по всѣмъ этимъ переводамъ нельзя иметь ни малѣйшаго понятія о дарованіи Мицкевича, потому что перевести его почти невозможно»⁵.

В 1827–1828 гг., в Москве, и позже, когда Мицкевич прибыл из Москвы в Петербург, Пушкин неоднократно встречался с ним, в том числе на обеде у Булгарина⁶, отношения с которым у Пушкина в этот период еще не были столь натянутыми, как позже. Мицкевич был также приглашен к отцу русского поэта, Сергею Львовичу Пушкину⁷. Нет сомнений в том, что общение между поэтами шло по-

² Цит. по изд.: <БУЛГАРИН, Ф. В.> Три Будрыса. Литовская Баллада, соч. А. Мицкевича. In *Сынъ Отечества и Северный Архивъ. Журналъ литературы, политики и современной исторіи, издаваемый Николаемъ Гречемъ и Фаддеемъ Булгаринымъ*. 1829, т. V, с. 113. – Здесь и далее ссылка на данное издание приводится в тексте после цитаты с указанием на переводчика и цитируемую страницу.

³ См., например, ехидное замечание А. А. Дельвига в его рецензии на булгаринского «Дмитрия Самозванца»: «Намъ приятно видѣть в г. Булгарине поляка, ставящаго выше всего свою націю; но чувство патриотизма заразительно, и мы бы еще с большимъ удовольствіемъ прочли повесть о техъ временахъ, сочиненную писателемъ русскимъ». – Цит. по изд.: ДЕЛЬВИГ, А. А. Дмитрий Самозванец. Исторический роман. Сочинение Фаддея Булгарина. 4 части In ДЕЛЬВИГ, А. А. *Сочинения*. Ленинград, 1986, с. 219.

⁴ Молодой историк и член общества филаретов Николай Малиновский, в 1827–1828 гг. живший в доме Булгарина в Петербурге, писал Иоаннису Лелевелю, передавая рассказы (вероятно, самого Мицкевича) о прощании с польским поэтом в Москве: «Поэта провожали со слезами. Онъ отвѣчалъ имъ импровизацией, которая вызвала такое воодушевленіе, что поэтъ Баратынскій, преклонивъ колена, взывалъ: Ah! mon Dieu, pourquoi n'est-il < > pas Russe?! etc». – Цит. по изд.: Мицкевич, Баратынскій, Грибоедовъ в перепискѣ М. Малиновскаго и И. Лелевеля. Вступительная заметка, подготовка текста, публикация и примечанія А. И. Федуты In *Philologica*, т. 17–18, 2003, с. 201. – Ср.: «Импровизация была блестящая и великопепная. Жаль, что не было тут стенографа. Дѣйствіе ее еще памятно, но, за неизменіемъ положительныхъ следовъ, впечатленія непереедаемы. Жуковскій и Пушкин, глубоко потрясенные этимъ огнедышащимъ изверженіемъ поэзіи, были въ восторгѣ». – ВЯЗЕМСКІЙ, П. А. Мицкевич о Пушкине. In А. С. Пушкин в воспоминаніяхъ современниковъ. В 2 т. Москва, 1985, т. 1, с. 134.

⁵ Цит. по изд.: <БУЛГАРИН, Ф. В.> *Poezye Adama Mickiewicza etc. Собраніе стихотвореній Адама Мицкевича. Новое, умноженное изданіе, въ двухъ томахъ, въ 12-ю долю. С. П. б въ типогр. К. Края*. 1829. In *Северная Пчела*, 1829, № 41, 4 апреля, с. 1.

⁶ Что зафиксировал в своем дневнике, в частности, все тот же М. Малиновский. См.: MALINOWSKI, M. *Dziennik*. Wilno, 1921, s. 76–79.

⁷ MALINOWSKI, сноска 6, с. 47.

французски: этот язык они оба знали в совершенстве. Следует учитывать, что в это время Пушкин еще не пытался переводить с польского (стимулом к чему стало как раз общение с Мицкевичем), а сам Мицкевич недостаточно свободно владел русским языком. Поэтические импровизации Мицкевича, ставшего позже прообразом Импровизатора в «Египетских ночах», также облекались в плоть французского языка⁸, что и вызвало столь яркую реакцию со стороны, например, Боратынского – так же, как и Пушкин, не знавшего польского языка. Даже если предположить, что Пушкин присутствовал при польскоязычных импровизациях Мицкевича, вряд ли они могли бы повлечь за собой желание перевести то или иное произведение польского поэта.

Следует отметить также, что в библиотеке Пушкина сохранились несколько изданий произведений Мицкевича, в том числе два, содержавших в себе тексты, к которым позже Пушкин обратился в качестве переводчика. Это поэма «Konrad Wallenrod», выпущенная в 1828 году той же петербургской типографией Карла Края, что и отрецензированный Булгаринным сборник стихотворений, и сам этот сборник «Poezye Adama Mickiewicza. Wydanie nowe rompozone», вышедший в 1829 году. Характеризуя состояние второго издания (двухтомника), Б. Л. Модзалевский отмечает: «*Экземляръ совершенно свѣжій; замѣтокъ нѣтъ*»⁹. Не исключено, что Пушкин пролистывал сборник, но он не вызвал у него живого интереса (именно в силу недостаточного знания языка). Вместе с тем, именно в этом сборнике впервые и была напечатана баллада Мицкевича о трех сыновьях Будрыса, ставшая

первоосновой для шедевра пушкинского переводческого творчества.

Таким образом, и польский текст баллады, и русскоязычный прозаический подстрочник Булгарина сами по себе оказываются недостаточными поводами для того, чтобы «разбудить» пушкинский гений. Внешним «толчком» становятся события ноября 1830 года – ноябрьского восстания в Варшаве, доказавшего существование реальной потребности польского народа отстаивать свое право на государственный суверенитет, возможность самостоятельно распоряжаться собственной судьбой. Известно, что российская интеллигентная и творческая элита – за исключением кн. П. А. Вяземского – поддержала карательные меры, предпринятые императором Николаем I. Пушкин в данном случае не был исключением¹⁰. Для него речь шла не столько о праве наций на самоопределение, сколько о праве Российской Империи оставаться целостной державой и включать в себя земли и народы, некогда присоединенные при помощи оружия. Политические прокламации, какими являются стихотворения «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина», выражают именно этот подход.

Однако нельзя утверждать, что Пушкин страдает полонофобией. Достаточно вспомнить поляков, изображенных им задолго до восстания 1830 года в «Борисе Годунове», – старика Юрия Мнишека, его дочь Марину, «гордую полячку», – чтобы убедиться в этом. К тому же, позади Болдинская осень 1830 года, когда в цикле «маленьких трагедий» поэт попробовал заговорить образами и использовать темы из истории различных народов и эпох. Этот удавшийся во всех отношениях твор-

⁸ См.: «Для русских приятелей своих, не знавших по-польски, он иногда импровизировал по-французски, разумеется, прозою, на заданную тему. <...> Чуждый ему язык, проза более отрезвляющая, нежели упоющая, мысль и воображение не могли ни подавить, ни остудить порыва его». – ВЯЗЕМСКИЙ, П. А. Мицкевич о Пушкине. In А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 т. Москва, 1985, т. 1, с. 134.

⁹ См.: МОДЗАЛЕВСКИЙ, Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина (Библиографическое описание). Санкт-Петербург, 1910, с. 288.

¹⁰ См.: ФЕДУТА, А. И. Еще раз о «Клеветникам России» («Польский вопрос» в пушкинскую эпоху). In Пушкин и мировая культура. Сб. научных трудов. Минск, 2001, с. 47–65.

ческий эксперимент поэта – «Протей» (если использовать поэтический образ Н. И. Гнедича) – позволил ему перенестись в Испанию, Австрию, Англию, Бургундию. Его поэтическая чуткость в этот период чрезвычайно высока.

Именно поэтому воспоминания о Мицкевиче актуализируются в сознании Пушкина. Следует учитывать, что имя польского поэта после восстания 1830–1831 гг., когда его творчество стало знаменем борьбы поляков за независимость Польши, пребывало в Российской Империи под запретом. Книги Мицкевича провозились на российскую территорию нелегально¹¹. Фактически переводить его стихи можно было только анонимно, без указания на авторство. Перевод и публикация стихов Мицкевича, таким образом, становятся выражением человеческой позиции переводчика, внятной тем, кто осведомлен о первооснове публикуемых текстов (и, в первую очередь, многочисленным друзьям и соотечественникам Мицкевича, продолжающим жить в Петербурге после его эмиграции).

Пушкинские переводы из Мицкевича – «Будрысь и его сыновья» и «Воевода» – были напечатаны в журнале «Библиотека для чтения», редактировавшемся этническим литвином (как и Мицкевич, как и Булгарин) О. И. Сенковским, во втором томе за 1834 год. Переводы имеют подзаголовки соответственно «Литовская баллада» и «Польская баллада» (в последнем случае очевидно отступление от текста: «Czaty» у Мицкевича обозначены не как польская, а как украинская баллада). Вместе с тем, поскольку «Воевода» стал первым переводом на русский язык баллады Мицкевича «Czaty», он не вызывал у читателя

каких-либо дополнительных ассоциаций (если только этот читатель не был знаком с оригинальным текстом баллады). «Будрысь и его сыновья» – словно ответ на вызов Булгарина трехлетней давности; баллада переведена в точности с соблюдением указанной Булгаринским характеристики стиха Мицкевича: «*Форма стихосложения совершенно новая. Вь первомъ и третьемъ стихахъ, окончательное слово на цезурѣ, составляетъ рифму съ последнимъ*» (Булгарин, с. 113).

Что Пушкин наверняка имел в виду вводную заметку соредактора «Сына Отечества и Северного Архива», косвенно подтверждается переводом баллады «Czaty» – «Воевода». Эта баллада, в оригинале написанная тем же размером, что и «Будрысы», переведена на русский язык без соблюдения размера, хотя и с четким следованием сюжету и образной системе Мицкевича. Перевод же «Будрысов» с адекватным следованием не только сюжету, но и поэтической ткани текста является для Пушкина принципиальным именно потому, что, как заявил Булгарин, «*эту Балладу въ подлинникѣ должно почитать образцемъ простоты сказа и легкости*» (Булгарин, с. 113). Тем выше искушение перевести ее адекватно; Пушкин, в переводческой деятельности, бесспорно, выступавший последователем В. А. Жуковского, придерживается его тезиса: «Переводчик в прозе есть раб; переводчик в стихах – соперник»¹². Есть и еще один аргумент, также высказанный Жуковским: «Драйден перевод Виргилия ... знакомит нас с Виргилием гораздо короче, нежели все те, которые переводили сего стихотворца в прозе, по крайней мере, мы видим поэта, выражающего мысли другого поэта»¹³. Это аргумент тем более действен-

¹¹ См.: KOPCZYŃSKI, K. *Mickiewicz i jego czytelnicy: O recepcji wieszca w zaborze rosyjskim w latach 1831–1855*. Warszawa, 1994. – Это одна из серьезнейших работ, посвященных восприятию Мицкевича на польских землях, захваченных Россией в результате разделов Речи Посполитой. См. также: KACNELSON, D. *Poezja Mickiewicza wśród powstańców. Wiek XIX*. Kraków, 1999.

¹² ЖУКОВСКИЙ, В. А. О басне и баснях Крылова. In ЖУКОВСКИЙ, В. А. *Эстетика и критика*. Москва, 1985, с. 189. (Выделено Жуковским. – А. Ф.)

¹³ ЖУКОВСКИЙ, В. А. О переводах вообще, и в особенности о переводах стихов. In ЖУКОВСКИЙ, В. А. *Эстетика и критика*. Москва, 1985, с. 284.

ный, что Булгарин, для которого польский язык – родной, осмелился перевести польского «Виргилия», Мицкевича, только прозой.

Попытаемся увидеть, насколько отличается поэтический перевод Пушкина от прозаического «подстрочника» Булгарина. Отличие начинается уже с перевода первой строчки. В этом легко убедиться, последовательно сопоставляя фрагменты оригинального польского текста и переводов, выполненных Булгариным и Пушкиным.

*Stary Budrys trzech synów, łęgich jak sam Litwinów,
Na dziedziniec przyzywa i rzecze:*

"Wyprowadźcie rumaki i narządźcie kulbaki,

A wy ostrzcie i groty, i miecze..."¹⁴

*Старый Будрысь, трехъ сыновъ своихъ, лихихъ,
какъ и онъ самъ, Литовцевъ,*

Вызвалъ изъ избы и сказалъ:

Выведите коней, приготовьте сѣдла,

Навострите копыя и мечи (Булгарин, с. 113).

Три у Будрысы сына, как и онъ, три Литвина,

Онъ пришель толковать съ молодцами.

Дти! Сѣдла чините, лошадей проводите,

Да точите мечи съ бердышами¹⁵.

Очевидно, что первое отличие перевода от подстрочника – возвращение Пушкина к оригиналу в обозначении национальности героев баллады. Здесь мы вынуждены повториться. Понятие «Litwin», употребленное Мицкевичем, отнюдь не тождественно понятию «Литовец», употребленному Булгариным. Само слово «Litwa» обозначало в первой трети XIX века территорию союзного Польше (Коронной Польше) Великого Княжества Литовского (ВКЛ), входившего вместе с Польшей в состав федеративного государства Речи Посполитой. И слово «Litwin»

обозначало, в свою очередь, славян, являвшихся жителями ВКЛ, но не являвшихся этническими поляками, чаще всего этническими белорусов. (Собственно литовский этнос, предки современных литовцев, обозначались либо словом «литовец», либо «жмудин» – от наименования одного из исторических регионов Литвы, Жмуди, или современной Жемайтии). Эту разницу чувствовали выходцы с земель ВКЛ, в том числе Мицкевич (неслучайно герои его баллады отправляются с набегом на польские земли), и Булгарин, обращавшийся в письме к известному польско-литовскому историку-дилетанту первой трети XIX века Теодору Нарбуту с самохарактеристикой: «Возможно, Вы слышали обо мне. Я тот самый Булгарин, литвин, который стал писателем на русском языке, и издатель «Северной Пчелы»¹⁶.

Мы не можем точно объяснить в данном случае, почему Булгарин, знающий разницу между словами «литвин» и «литовец», использует второе, явно отходя от авторского оригинала. Можно лишь предположить, что, по мнению Булгарина, термин «литвин» мог вызвать недоумение великорусского читателя, не знакомого с подобными нюансами. Пушкин же сознательно возвращается от подстрочника к оригиналу, пытаясь, прежде всего, следовать музыке ритма и рифмы баллады Мицкевича (понятийные различия между двумя словами вряд ли были знакомы и ему). Тем более что слово «литовец» также ранее употреблялось Пушкиным, в частности, в 1828 году (то есть за шесть лет до «Будрыса и его сыновей») в его переводе вступления к «Конраду Валленроду» Мицкевича.

¹⁴ Здесь и далее текст баллады Мицкевича приводится по изданию: MICKIEWICZ, A. *Dziela*. Warszawa, 1955, t. I, s. 309–311. Ссылка на данное издание далее дается в тексте, после цитаты, с указанием автора и страницы.

¹⁵ Здесь и далее перевод Пушкина цитируется по первому изданию: ПУШКИНЪ, А. Будрысь и его сыновья. Литовская баллада. In *Библиотека для чтения*, 1834, т. 2, с. 96–97. Далее ссылки на данное издание даются в тексте после цитаты с указанием имени переводчика и страницы.

¹⁶ Цитируется по публикации в нашем переводе с польского по изданию: БУЛГАРЫН, Ф. *Выбранные*. Минск, 2003, с. 436. – Оригинал хранится в Библиотеке Академии Наук Литовской Республики, в фонде Теодора Нарбута F-18-185-27-1 и F-18-185-27-2.

В целом, характеризуя «Будрыса и его сыновей», Р. Сидеравичюс отмечает: «В переведенной Пушкиным балладе обнаруживаем лишь незначительные отступления от оригинала. В третьей и шестой строфах меняется имя одного литовского князя: Скиргайла (Скиргела у Мицкевича) у Пушкина называется Пазом (это написание по европейской транскрипции фамилии литовских вельмож Пацов). Причина такой замены, на наш взгляд, чисто техническая – поэту было необходимо в этих строфах более короткое слово. В шестой строфе оригинала не упоминается Польша и поляки: для Мицкевича – это край «за Неманом». Пушкин вводит эти точные географические названия обоснованно: перевод будут читать люди другой страны»¹⁷. Наблюдения исследователя справедливы, однако в данном случае тем более показательным становится сравнение пушкинского перевода с болгаринским подстрочником.

Булгарин стремится к буквальной точности, пытаясь передать балладу Мицкевича дословно, не адаптируя ее к восприятию русскоязычного читателя. Поэтому, кстати, «географическое» наблюдение Р. Сидеравичюса оборачивается против Булгарина, в чьем подстрочнике старый Будрис наказывает третьему сыну: «*За Скиргеиломъ, пускай перелетит третій за Нѣманъ*» (Булгарин, с. 114). Вместе с тем мы становимся свидетелем, как издатель «Северного Архива» и «Северной Пчелы» исправляет оригинал (явно ухудшая его и делая менее понятным) в соответствии с собственными представлениями о чистоте русского языка: Булгарин, как известно, был пуристом и пытался воплотить в жизнь языковую программу кара-

мзиниста Н. И. Греча¹⁸, не оставлявшую места для грубых и просторечных слов. Мы имеем в виду перевод характеристики, данной Мицкевичем (вернее, его персонажем) крестоносцам-пруссакам:

*Niech zaciągnie się drugi w księdza
Kiejstuta cugi,
Niechaj teżi Krzyżaki psubraty...*
(Mickiewicz, s. 309).

Эти строки Булгарин переводит следующим образом:

*Пусть другой пристанетъ къ полчищамъ
Князя Хейстута,
Пусть зубить крестоносцевъ, Тубратовъ...*
(Булгарин, с. 114)

Дословно в оригинале баллады крестоносцы характеризуются как «песьи братья» – «*psubraty*». Булгарин делает вид, что «не понимает» значения этого слова и изобретает созвучие, которое должно заменить его («*Тубраты*»?). Созвучие, явно не имеющее смысла. Пушкин просто обходит эту «проблему»:

*А другой отъ Прусаковъ, от проклятыхъ
Крыжаковъ,
Можетъ много достать дорогаго...*
(Пушкинь, с. 96)

Однако здесь у Пушкина, в свою очередь, возникает новая неточность, связанная с его переводческими принципами. Ориентируясь, как мы отмечали выше, на музыку стиха и отдавая ей приоритет по отношению к точности, он калькирует форму польского слова «*Krzyżaki*» («крестоносцы»), употребляя явный полонизм: просто адекватный перевод нарушает ритмику строки и разрушает систему рифм. Если это не является принципиальным для Булгарина, создающего под-

¹⁷ См.: СИДЕРАВИЧЮС, Р. Литовские мотивы в творчестве Пушкина. In СИДЕРАВИЧЮС, Р. А. С. *Пушкин и Литва*. Вильнюс, 1999, с. 13–14.

¹⁸ См.: «Гречь былъ окончательнымъ моимъ наставникомъ, и ему именно обязанъ я тѣмъ, что теперь не иду путемъ, такъ называемыхъ, нововведеній, т. е., что знаю духъ и свойство русскаго языка». – БУЛГАРИНЪ, Ф. К портрету Николая Ивановича Греча. In <ГРЕЧЬ, Н. И.> *Сочинения Греча*. В 5 ч. Санкт-Петербург, 1838, ч. 5, с. XIII.

строчник (но, как мы видели, отступающего при этом от оригинала), то Пушкин вынужден пойти на стилистический сбой, оправданный его общей творческой установкой.

Таким образом, суммируя, мы можем отметить: переводя балладу А. Мицкевича «Trzech Budrysów (Ballada litewska)», Пушкин мог ориентироваться на подстрочник баллады, выполненный и опубликованный пятью

годами ранее Булгариным, воспринимая болгаринские примечания к переводу как своеобразный вызов. Вместе с тем он не следовал подстрочнику слепо, а обращался к оригинальному тексту, ориентируясь на него. Кроме того, перевод Пушкина и подстрочник Булгарина в ряде случаев отражают их различные переводческие установки.

Приложение:

Учитывая, что подстрочник Булгарина никогда не перепечатывался, мы считаем необходимым републиковать его полностью, с соблюдением орфографии первопубликации.

Три Будариса

*Литовская Баллада, соч. А. Мицкевича.**

Старый Бударисъ, трѣхъ сыновъ своихъ, лихихъ,
какъ и онъ самъ, Литовцевъ,
Вызвалъ изъ избы и сказалъ:
Выведите коней, приготовьте сѣдла,
Навострите копыя и мечи.
Мнѣ сказывали въ Вильнѣ, что скоро возгласятъ
Три похода, на три стороны свѣта:
Ольгердь нападетъ на Русскія селенія, Скиркомо на
Ляховъ сосѣдей,
А Князь Хейстутъ ударитъ на Тевтоновъ.
Вы сильны и здоровы, ступайте служить отечеству,
Да пекутся о васъ Литовскіе боги!
Сего года я <не>¹⁹ пойду на войну, но отъѣзжающимъ
дамъ совѣтъ:
Васъ трое, три для васъ дороги.

Одинъ изъ васъ долженъ спѣшитьъ за Ольгердомъ
на Русь,
Къ Ильменю, подъ стѣны Новагорода;
Тамъ хвосты соболей, тамъ серебряныя оклады,
И у купцовъ денегъ, какъ льду.
Пусть другой пристанетъ къ полчищамъ Князя
Хейстута,
Пусть губить крестоносцевъ, Тубратовъ;
Тамъ янтарю, какъ песку, сукна чуднаго блескомъ,
И алмазныя ризы у святителей.
За Скиргеиломъ, пускай перелетитъ третій за Немань:
Не найдете тамъ въ домахъ вещей богатыхъ;
Но за то выберете славныя сабли и щиты,
И привезете мнѣ оттуда невѣстку.

* Эту Балладу въ подлинникѣ должно почитать образцемъ простоты расказа и легкости. Форма стихосложения совершенно новая. Въ первомъ и третьемъ стихахъ, окончательное слово на цезурѣ, составляетъ рифму съ послѣднимъ. Для примѣра приводимъ одну строфу.

Stary Budrys trzech synów, tęgich jak sam Litwinów,
Na dziedziniec przyzywa i rzecze:
“Wyprowadźcie rumaki i narzędzie kulbaki,
A wy ostrzcie i grotty, i miecze”.

Прелесть языка потеряна въ переводѣ, но читатели увидятъ по крайней мѣрѣ, какъ Польскій Поэтъ умѣетъ замысловато рассказывать вещи самыя обыкновенныя, и какъ то самое воображеніе, въ которомъ родились Валленродъ и Дзяды, представляетъ картины игривыя. — *Переводч.*

¹⁹ В журнальной первопубликации отсутствует, что является явной опечаткой – ср. с оригиналом: «Тего roku *nie* jadę...» (Mickiewicz, s. 309).

Всѣхъ невольницъ милѣ Ляшскія красотки,
 Веселенькія, какъ молодыя кошечки,
 Лице бѣлѣ молока, рѣсницы черныя,
 А глазки блестятъ, какъ звѣздочки.

Оттуда я, полвѣка предъ симъ, когда быть юношей,
 Привезъ <къ>²⁰ себѣ – Ляшку,
 И хотя она уже во гробѣ, но я все объ ней вспоминаю,
 Когда только взгляну въ ту сторону!

Давъ такой совѣтъ, онъ благословилъ ихъ на дорогу;
 Они сѣли на коней, взяли оружіе и поскакали.
 Проходить осень и зима, а сыновей нѣтъ, какъ нѣтъ:
 Будрись думаль, что пали въ бояхъ.

Aleksandr Feduta

Public Organization of Social Technologies

THREE “BUDRYSÓW”: AUTHOR’S TEXT – LINEAL TRANSLATION – POETIC TRANSLATION

Summary

The article pertains to the context of the first presentation of Adam Mickiewicz’s ballad “Trzech Budrysów (Ballada litewska)” to Russian readers. For the first time its word-for-word (lineal) translation was published by Faddei Bulgarin in 1829. Alexander Pushkin had his poetical translation published in 1834. Bulgarin’s translation might have been an incentive for Pushkin’s translation, although it is clear that Pushkin referred to the original text of Mickiewicz’s ballad. Certain stylistic peculiarities

По снѣжнымъ глыбамъ, летить къ деревнѣ
 вооруженный мужъ,
 И подь буркой что-то большое прячеть.
 «Эй, это коробъ, а в коробѣ Новгородскіе рубли?»
 «Нѣтъ, отче мой! это Ляшка невѣстка.»

По снѣжнымъ глыбамъ, летить къ деревнѣ
 вооруженный мужъ,
 И подь буркой что-то большое прячеть.
 «Вѣрно, изъ Нѣмечины, сынъ мой, везешь коробъ
 янтарю?»
 «Нѣтъ, отче мой! это Ляшка невѣстка.»

По снѣжнымъ глыбамъ, летить къ деревнѣ
 вооруженный мужъ,
 Бурка оттопырилась, вѣрно много добычи!
 Но пока онъ показаль добычу, старый Будрись
 приказаль
 Звать гостей на три свадьбы.

characteristic of the translators can be observed in both translations.

Pushkin used the translation of Mickiewicz’s ballad as a form of competition with the Polish poet in the technique of versification. At the same time, since the translation was published after the ideological confrontation between the two poets regarding the repression of the Polish revolt of 1830-1831 (which was supported and praised by Pushkin), the publication of Pushkin’s translation of “Trzech Budrysów (Ballada litewska)” became an attempt of the Russian poet to show that the ideological confrontation does not always result in personal and poetic confrontation.

Attached to the article is the lineal translation of the ballad performed by Faddei Bulgarin.

KEY WORDS: Mickiewicz, Pushkin, Bulgarin, ballad, translation, lineal translation, Poland, Russia.

Gauta 2003 12 15

Priimta publikuoti 2004 02 17

²⁰ В журнальной первопубликации явная опечатка – «въ» (Булгарин, с. 115). Восстанавливаем предлог как наиболее близкий по смыслу к контексту, хотя, с точки зрения современного русского языка, он может считаться излишним.